

*Раздвинь переплетённые
стебли травы и загляни
в её зелёную чащу. Там, у самой
земли, кипит жизнь маленького
народа: кузнечики, муравьи,
жуки и тысячи их собратьев
торопятся по своим делам...*

Денис Уоткинс-Питчфорд (ВВ)

Из предисловия к книге

«Жизнь и приключения лиса Питчли»
(The Wild Lone: The Story of a Pytchley Fox)

Часть I

ЯСЕНЬ

1

Весеннее утро

*Мох, Вереск и Дождевик
замечают кое-что
необычное*

Был один из тех мартовских деньков, когда в воздухе уже вовсю пахнет весной, хотя до настоящего тепла ещё далеко. Вдоль дорожек цвели жёлтые крокусы. На кустах ждали своего часа круглые зелёные почки — словно волшебные фонарики, которые вот-вот зажгутся. Небо голубело ярко-ярко. Такие дни бывают лишь после долгой зимы, когда всё вокруг полно кипучей радости. Именно в такой день может случиться что-то удивительное.

В саду дома номер пятьдесят два по Ясеновой улице, рядом с детским батутом, росло старое дерево с необычным дуплом внизу, у самых корней. Вскоре оно должно было одеться в наряд из свежей листвы, украшенный бело-розовыми кисточками цветов, а затем, к приходу лета, превратиться в огромный зелёный замок с тысячами

жильцов. Но пока его ветки были голыми и чёрными.

На лужайке вокруг дерева — это был, что неудивительно, ясень — уже зеленела трава, но одуванчики и маргаритки не спешили вылезать на свет. Ближе к дому землю покрывал деревянный настил. Однако по узким, аккуратным клумбам на краю сада петляли тайные тропинки. Их проложили дикие создания — дети природы, о которых люди почти не знают.

Из соседнего сада прилетел чёрный дрозд и сел на одну из нижних веток ясеня. Ветка прогнулась под его весом. Дрозд открыл жёлтый клюв и запел впервые с прошлого лета.

— Здравствуйте, здравствуйте! — заливался он, обращая песню ко всем, кто желал послушать. — Минуточку внимания! Я принёс очень важную весть! Почтеннейшая публика, я должен сообщить... что ПРИШЛА ВЕСНА!

В этот самый момент что-то шевельнулось в необычном дупле у корней старого ясеня. Если бы Майя и Бен, которые жили в доме номер пятьдесят два, случайно оказались поблизости, они решили бы, что это какая-то птица. Но они были в школе и ничего не видели; да и вообще, по правде говоря, они плохо умели смотреть (и слушать). Им до сих пор не удалось подметить, что с первой весенней песней дрозда в саду пробуждаются крошечные человечки — тайный народец. Не знали дети и о том, что целых два

столетия назад — когда ни дома, ни сада ещё не было — в дырявом, кривом стволе старого ясеня поселились трое жильцов.

Теперь из дупла выбрался человечек ростом в одну ладошку. Кожа у него была коричневая, как спелый орех. Мох (именно так звали нашего первого героя) был одет в наряд из непромокаемой луковой шелухи. Штаны он подпоясал красной ниткой, а на голову лихо нацепил колпачок от жёлудя с хвостиком-веточкой на макушке. Ноги его были босы.

— Доброго утречка, старина, — сказал Мох дрозду, задирая голову и щурясь от солнца. — Как зимовалось?

— А, вот ты где! — дрозд спорхнул со своего сучка на лужайку. — Здорóво, Мох. Да неплохо, спасибо. Хотя запас червячков мог бы быть и побольше. А вы как? Хорошо спалось?

— Да уж, выспались отлично. Ребята уже встают. А как твоя жёнушка? Всё в порядке?

В этот миг из дупла выбрался ещё один человечек. Он отчаянно зевал и тёр кулаками глаза. Вереск был чуточку пошире в плечах и на пару веков постарше Мха. Его наряд состоял из клетчатого килта и щегольской жилетки, сшитой из старой змеиной кожи. На поясе у него висел острый кинжал; на клинке ещё можно было разобрать полустёртую надпись «СТЭНЛИ». Впрочем, кто такой Стэнли, все уже давно забыли. Подвижный, энергичный Вереск был одним из тех непоседливых

созданий, которым вечно нужно куда-то бежать и что-то делать.

— Привет всем! Ну надо же, опять весна! Знаете что? Меня тянет на приключения. Иногда бывает ужасно скучно, правда же? Мы не выбирались из этого сада уже... ох, целую сотню кукушкиных лет! («Кукушкиным летом» тайный народец называет год — хотя, если вдуматься, наши герои уже давно не слышали летнего зова кукушки.)

— Ну надо же! — сказал дрозд. Вообще-то его звали Боб, но по имени к нему обращались редко. — Сотня кукушкиных лет — это ужасно долго. Неужели вы не бывали даже в соседнем дворе? Обязательно сходите: там отличные кормушки для птиц. А ещё есть местечко, где дети сидят целыми днями. В обед они кидают нам всякую вкуснятину: рис, кусочки яблока, изюм...

— И чипсы! — донеслось с ближайшей ветки, на которую только что сел скворец, кувыркнувшись в воздухе от избытка сил. — Как жизнь, ребята?

— Привет, Лихач! — дружно засмеялись Мох и Вереск. Они были страшно рады видеть друга, который только что благополучно вернулся с зимнего курорта на восточном побережье.

— Мм-м-м, чипсы, — мечтательно протянул Боб.

— А у тебя как дела, Боб? — спросил Лихач. По сравнению с неприметным чёрным дроздом бойкий скворец выглядел настоящим франтом. Его весенний наряд блестел и переливался разны-

ми оттенками, словно бензин в луже, да ещё был украшен тонкими белыми стрёлками.

— Ой, прости, Лихач, — откликнулся Боб. — Привет! Какой у тебя костюмчик!

— Знай наших! Так что у вас тут происходит? — спросил скворец, расправляя пёрышки и оглядывая всю компанию глазами-бусинками.

— Дрозд говорит, что нам надо почаще гулять, — объяснил Мох. — Но ведь у нас нет крыльев, так что путешествовать не всегда легко. Особенно если хочешь вовремя приходить домой и ложиться спать — вот как я, например.

— Но, вообще-то, он прав, — заметил Лихач. — В этих краях немало интересного. Я знаю, что вам хорошо и уютно на Ясеновой улице, но ведь, кроме неё, есть ещё целый огромный мир. Не говоря уже про соседний двор.

— Что это Дождевик никак не проснётся? — решил сменить тему Мох. От разговоров о путешествиях Вереск уже беспокойно топтался, готовый к приключениям. — Сегодня отличный денёк. Жаль было бы его пропустить!

И тогда у корней старого ясеня в углу сада показалась третья фигурка — удивительное зрелище, если призадуматься (хотя люди думать не любят). Все они были прекрасно видны: Мох самый младший, в костюме из луковой шелухи и с колпачком на голове; крепыш Вереск в килте и жилетке из змеиной кожи, с верным кинжалом «Стэнли» на поясе; а теперь ещё и самый

старший (и мудрый) из их троицы — Дождевик. Он глядел на мир одним-единственным глазом из-под длинных седых волос, а одет был в мятый зелёный балахон и шляпу того же цвета. Его босые подошвы были жёсткими и мозолистыми, как и у Мха с Вереском, а руки и ноги всех троих густо поросли волосами — для защиты от холода.

— Ну наконец-то! Здорово, Дождевик! — обнял друга Вереск.

— Поздравляю с весной, — улыбаясь, добавил Мох.

Однако лицо у Дождевика было не радостное, а задумчивое.

— Всем доброго утречка... Ребята, похоже, у нас кое-что случилось.

Но в этот самый миг Боб взмыл в небеса, крича тревожно и пронзительно, как умеют только дрозды. Перелетев через забор, он спрятался в густых ветвях соседской живой изгороди.

— Великий бог Пан! Что это на него нашло? — воскликнул Мох. Но тут и друзья услышали, как в доме открывается задняя дверь и кто-то выходит наружу. Лихач перепорхнул через забор вслед за Бобом, а три маленьких человечка поспешно юркнули в дупло у корней ясеня.

В их жилище царили чистота, покой и уют. Утоптаный земляной пол был безупречно выметен: Мох частенько орудовал мягкой метёлкой из голубиных перьев (в отличие от Вереска,

он любил наводить порядок). Посередине лежал красивый круглый половичок — друзья плели новые половики из длинных стеблей сухой травы каждую осень. Потолок в комнате был очень высокий: за долгие годы в стволе ясеня образовалась целая пещера. Со старыми деревьями так бывает; однако этот яшень точила ещё и болезнь, вызванная грибом, — хотя о ней пока никто не догадывался.

Вдоль стен стояли крохотные тумбочки и шкафчики, в которых трое друзей хранили своё имущество: спальные мешки, сотканые из шелковистой паутины, подушки, набитые мягким белым пухом, что каждую весну летит с тополей, и другие необходимые вещи. В задней части комнаты помещался буфет, а в нём рядами стояли раковины улиток: каждая с аккуратной деревянной пробкой и ярлычком, на котором была выведена дата. В этих сосудах ждала своего часа вкуснейшая наливка, которую друзья делали из сбитых ветром фруктов и диких трав. Пили её только по особым случаям.

— Так про что ты там говорил? — спросил Мох у Дождевика.

— Видите ли... Я не хочу никого пугать, и, вообще, это не больно, но...

Дождевик поднял руку — и Мох с Вереском дружно охнули, потому что солнечный луч, тянувшийся из открытой двери, прошёл прямо сквозь неё. Зелёный рукав балахона был на месте

и запястье Дождевика — тоже, но ладонь слегка просвечивала, а пальцы и вовсе стали прозрачными.

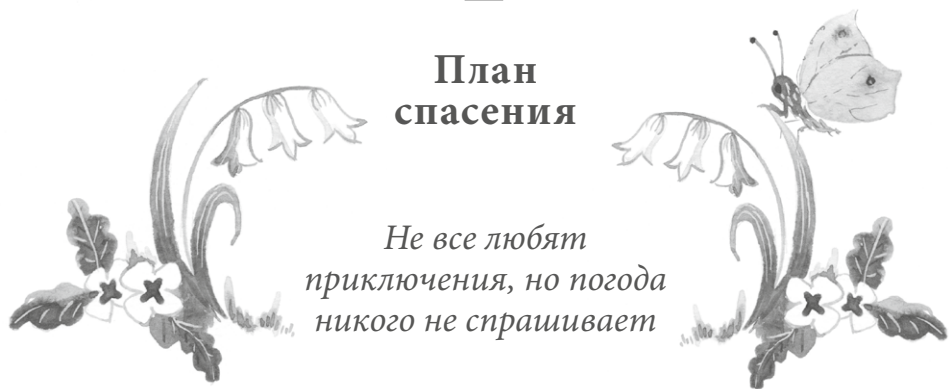
— Спаси нас, Пан, — выдохнул Вереск.

— Странно, правда? — сказал Дождевик. — Я заметил это, едва проснулся. Рука у меня вроде как работает. Может трогать, может брать, может... ну, не знаю... ковыряться в носу потихоньку. Я просто как будто... исчезаю.

2

План спасения

*Не все любят
приключения, но погода
никого не спрашивает*

Мох, Вереск и Дождевик сидели на полу в своей чистенькой комнате и разглядывали странную прозрачную руку.

— Ты когда-нибудь про такое слышал? С кем-то ещё это случалось? — спросил Мох.

— Отродясь не слыхивал. Никто про такое не рассказывает: ни тайный народец, ни животные, ни люди — совсем никто.

— И ни капельки не болит? — уточнил Вереск.

— Ничутьточки.

— Ну хоть так.

— Да, вот только... а вдруг этим дело не кончится? Вдруг у меня ещё что-то исчезнет?

— А вдруг и с нами будет то же самое? — испуганно спросил Мох.

Друзья торопливо обследовали себя с головы до ног: сначала проверили, на месте ли руки, ноги,

пальцы, пятки и локти; потом заглянули под одежду и пощупали животы; затем каждый насчитал у себя по две коленки.

— У меня вроде всё в порядке, — объявил Вереск. — У вас тоже? Хорошо.

— Это дело очень серьёзное, нутром чую, — сказал Дождевик. — Скоро что-то изменится. Знать бы ещё что! Когда-то у меня уже бывало такое предчувствие — давным-давно, сотни кукушкиных лет назад.

— Ох, не надо нам перемен! — содрогнулся Мох. — Я хочу, чтобы всё оставалось по-прежнему. Всегда и на веки веков!

— Ты же знаешь, что так не бывает, — сказал Вереск. — Конечно, ты самый младший из нас, но всё-таки уже мог бы заметить, что мир постоянно меняется.

— Да, но... Мне не нравятся слишком резкие перемены, — сказал Мох. — И ещё перемены к худшему. Я люблю только те перемены, которые в лучшую сторону.

— Но ведь нельзя же заранее угадать, как оно всё обернётся, правда? — заметил Вереск. — Надо сперва посмотреть, чем дело кончится. Вспомни прошлый ледниковый период: сперва было тревожно, потом — жуть как скучно и холодно, но ведь в конце концов стало совсем неплохо.

— А ты что помнишь, Вереск? — спросил Дождевик. — Ну, про старые времена, ещё до людей, когда Пан назначил нас хранителями природы?

— Не так уж много, — признался Вереск. — Так, разные картинки, впечатления... Как обрывки сна.

Дождевик понимающе кивнул.

— А Мох тогда и вовсе был мальцом. Зато я всё помню до сих пор.

— И динозавров помнишь? — спросил Мох, восторженно округлив глаза.

— Ещё бы! Среди них встречались чудесные создания. И такие забавные! Брахиозавры, например. Вы не представляете, до чего они были смешные! А вот гигантозавры... к ним лучше было не подходить. Да и трицератопсам я не доверял. Но теперь ужасно скучаю по старым добрым археоптериксам, и по мохнатым мамонтам — они жили чуть позже, — и по зубрам, и по налимам, и по гагаркам — знаете, настоящим, большим. Ах да! И по тем чудесным синим бабочкам, которые куда-то пропали. Скучаю по всем живым тварям, которых больше нет в нашем Зелёном Мире. Даже по самым маленьким.

— А помнишь, как на земле появились люди? — спросил Мох.

— Ну на первых порах почти ничего не изменилось. А если изменилось, то я не заметил. Люди говорили на языке природы, жили точно так же, как все прочие существа, и плодились не так уж быстро. Тогда они нас не заботили. Взять жуков и прочих насекомых, например: ведь на свете их буквально тучи, да что с того? Даже когда люди

научились возделывать землю, мы не забеспокоились. По правде говоря, нам нравились все эти новые местечки, которые они создавали: леса, посаженные ради древесины, живые изгороди, водоёмы...

— Да, я люблю красивые, густые изгороди, — сознался Мох.

— Я тоже, — поддакнул Вереск. — А кто не любит?

— Но теперь уже понятно: когда люди научились властвовать над природой, мы перестали быть её хранителями. Люди почувствовали себя хозяевами и принялись менять всё вокруг. А нам становилось всё трудней и трудней приглядывать за растениями и животными на своих участках. Теперь мы и сами живём как вольные дети природы. Жизнь-то, в общем, неплохая, но я скучаю по тем временам, когда занимался своим делом, понимаете?

— И я скучаю, — вздохнул Вереск. — У меня был отличный участок: лимонная роща, где водились дикие кабаны. Я её охранял и старался, чтобы там хватало места всем, кому нужен дом. Вы бы видели, какие славные полосатые детёныши появлялись на свет каждую весну! А как шелестела на ветру молодая листва!

— И что стало с твоей рощей? — спросил Дождевик. Он, конечно, знал, что произошло; но иногда надо давать друзьям возможность выговориться.

— Её срубили, чтобы сделать мебель, — сказал Вереск, утирая слёзы. — И тогда мне... мне пришлось уйти.

Оба слушателя сочувственно закивали. Они тоже могли бы порассказать о любимых местах, которые сохранились только в их памяти. Мох когда-то присматривал за диким лугом, а Дождевик — за мирной, сонной заводью.

— И что? Теперь люди — хранители природы? — спросил Мох.

Дождевик задумчиво насупил брови.

— Должно быть, такова воля Пана... хоть они, кажется, этого ещё не поняли.

Дождевик немного стеснялся своей прозрачной руки, поэтому Мох и Вереск впервые в жизни вышли к садовому народцу вдвоём. Они представились новеньким — стайке весёлых длиннохвостых попугаев, которые с недавних пор зачастили в сад, — поболтали с ласточками, что гнездились по соседству, и поздоровались с мышонком по имени Усач. Целых двести поколений его предков прожили свои коротенькие жизни под половицами дома номер пятьдесят два.

У всех гостей и обитателей сада наши друзья выпрашивали зимние новости и сплетни. Дело

в том, что Мох старался сочинять баллады про каждый прошедший год. Баллада — это длинная песня, в которой рассказывается какая-нибудь история. Её можно петь, а можно просто читать, как стихи (и хорошо, потому что Мох, по правде говоря, поёт ужасно). Баллада — отличный способ сохранить в памяти всё, что произошло на Ясеновой улице с прошлого кукушкина лета. Обычно такие баллады нравились зверям и птицам — если, конечно, не рассказывали публике про их собственные тёмные делишки. Например, про то, как сойка Вертушка морочила голову сразу троим женихам, или про то, как местные белки съели все яйца в гнезде синицы.

— Это просто для развлечения, — скромно объяснил Мох попугаю Карлосу. — Конечно, мне далеко до настоящих сказителей старины.

Древние легенды и саги считались величайшими святынями их народа и тысячелетиями передавались из уст в уста. Разве могли с ними сравниться рифмованные истории Мха?

Когда настало время пить чай, поднялся сильный ветер, а небо затянуло тучами.

— Ой, не нравится мне всё это, — заявил Вереск и полез вверх по стеблю нарцисса, чтобы

хорошенько рассмотреть хмурый западный горизонт. Хотя он и любил иногда повалить дурака, но погоду предсказывал удивительно точно, а ещё прекрасно умел находить дорогу. — Пойдём-ка домой, посмотрим, как там Дождевик. Рука у него вроде не болит, но я всё-таки беспокоюсь.

Нарцисс медленно склонил жёлтую голову, бережно опуская человечка на землю.

— Небольшой дождик сейчас не повредит, — заметил Мох. — От него вся зелень пойдёт в рост. А в нашем саду так не хватает травы и диких цветов! Эти люди вечно их выдёргивают — один Пан знает зачем — и сажают цветы, которые не нравятся пчёлам.

И всё-таки Мху тоже хотелось поскорей вернуться домой, в полый ствол ясеня. По натуре он был молчуном и любил отдохнуть после встреч с соседями. А вот Вереск мог часами веселиться в шумной компании.

— Боюсь, что это не просто дождь, — сказал Вереск. — Кажется, будет буря!

Друзья поспешили назад, к ясеню. И хоть взрослые жильцы дома номер пятьдесят два в это самое время глядели в окно и гадали, не лучше ли поскорей снять с верёвок чистое бельё, они не заметили во дворе ничего необычного.

Дождевик тихонько сидел на полу и перебирал небольшую кучку песка. Песчинки были собраны в разные эпохи и в разных краях. Одни переливались яркими красками, другие пестрели причудливыми

узорами; попадались среди них и крошечные обломки кораллов, и даже окаменелости.

— Приводишь в порядок свою коллекцию? — спросил Мох.

— Просто люблю иногда на них смотреть. Они напоминают мне про былые времена, — сказал Дождевик, бережно ссыпая песчинки в деревянную шкатулку. — Как там садовый народец? Все на месте?

— Да, живы-здоровы, — ответил Мох. — У мышей опять полно детворы. Из кокона вылупилась бабочка-лимонница, зовут Джоанной. Вот только ежа Фрума мы нигде не нашли.

Вереск принёс охапку сухого лишайника и взял несколько щепок из аккуратной поленницы у входа. С помощью двух обломков кремня он высек искру и разжёг огонь в очаге. За долгие века друзья столько раз занимались растопкой, что теперь каждый из них управлялся с очагом ловко, быстро и без малейших раздумий, словно играючи. Если часто упражняться, можно освоить любое, даже самое трудное дело. А смотреть на мастера за работой — настоящее удовольствие.

Мох, который лучше всех умел готовить, достал из буфета ковригу хлеба, медовый пирог, немножко сушёной смородины и трёх вяленых кузнечиков (по вкусу они похожи на полоски копчёного бекона, только жевать трудней). Ну как тут было удержаться и не отправить в рот «лишние» крошки пирога? Ведь Мох ужасно любил поесть. Иногда ему даже было трудно разделить еду

по справедливости — особенно если никто за ним не приглядывал.

— Клянусь зубами Пана, ветер-то разгулялся, — сказал Вереск, услышав, что где-то в вышине скрипят и стонут ветки старого ясеня. — Конечно, весной погода капризная. На то она и весна.

— И то верно, — согласился Мох. — Да и чего нам бояться? Ведь у нас такой уютный дом. А, Дождевик?

Повисла долгая пауза: их старый друг жевал особенно жилистую ножку кузнечика, держа её в невидимой руке. Казалось, кузнечик просто висит в воздухе. Наконец Дождевик проглотил мясо, отломил себе кусочек медового пирога и снова перевёл взгляд на огонь.

— Что с тобой? Ты сегодня очень тихий, — заметил Вереск. — Переживаешь из-за руки?

— Да, немножко. А ещё... что-то я вдруг подумал про нашу сельскую родню. Помните Вьюнка, Клевера, Морошку и кузена Чихотника?

— Да про них уже сотню кукушкиных лет ничего не слышно! — воскликнул Мох. — Они всё ещё живут у того ручейка в деревне? Как его там — Шальной Ручей вроде?

— Вот-вот, — сказал Дождевик. — Вьюнку просто сказочно повезло. Он до сих пор охраняет то же место, что и в былые времена, — излучину ручья, где испокон веков растут дубы.

— Райское местечко, должно быть, — мечтательно сказал Мох.

— Жаль, что до них так далеко, — вздохнул Дождевик. — Может, они разобрались бы, почему я... ну, исчезаю. Кузен Чихотник кое-что знает о целебных травах, а Вьюнок живёт на земле даже дольше, чем я. Наверное, он подсказал бы, что делать.

— А знаешь, кто ещё может что-то знать? Робин Весельчак.

— Верно-верно, Мох! Робин — самый старший и самый мудрый из всего тайного народца. Когда-то мы с ним встречались — ещё при римлянах. Но кто же знает, куда Робин подался теперь!

— Знаете что? — внезапно сказал Вереск. — Давайте отправимся в поход к Шальному Ручью! Я уж как-нибудь найду путь на окраину города, а когда окажемся на природе, попросим помощи у птиц. Дрозд и скворец правы: пора бы нам прогуляться, на мир посмотреть.

Трое друзей сидели у очага, а в саду между тем становилось всё темнее. Ветки старого ясеня жутковато стонали на ветру. Вскоре на землю упали первые тяжёлые капли дождя. Беседа у огня продолжалась и после того, как в ближайших домах друг за другом погасли окна. Иногда друзья вроде бы соглашались, что лучше остаться в обжитом, безопасном месте. Но потом Дождевик замечал, что должен расспросить кого-нибудь про свою руку. И тогда им начинало казаться, что надо обязательно, непременно выбраться в поход к Шальному Ручью и навестить тамошних родичей.

И всё-таки Мху совсем не хотелось покидать милый, уютный дом у корней ясеня и любимый сад, где жили все их друзья. Конечно же, все трое скучали по местам, которые охраняли когда-то прежде; но Мох довольно смутно помнил былые времена. Куда ближе и дороже ему была Ясеновая улица, хоть на ней теперь осталось не так уж много ясеней. Вдоль улицы стояли людские дома с небольшими двориками, в которых трое приятелей не бывали ещё ни разу. Правду говоря, Мох не представлял себе, как выглядит мир за высоким забором их сада. А неизвестное часто кажется страшней, чем есть на самом деле.

Наконец друзья устали от споров, расстелили спальные мешки, устроились поудобней и сладко уснули.

Ночь была ненастная, с внезапными порывами ветра, который подхватывал бумажные пакеты и пластиковые стаканчики, кружа их в бешеном танце посреди улицы. Большинство местных кошек пряталось по домам, а вот лисицы не испугались грозы и всю ночь занимались своими лисьими делами. Гром сердито бормотал что-то в небе, а молнии поначалу вспыхивали вдали, но вскоре засверкали совсем близко. Одна из них

ударила в высотное здание на соседней улице, а другая — в шпиль местной церкви. Гром свирепо громыхнул прямо над маленьким садом.

Той ночью Мох тревожно ворочался и бормотал во сне, а один раз даже вскрикнул. Вереск безмятежно храпел, но Дождевик не спал и с удовольствием вдыхал игристый, насыщенный электричеством воздух. Услыхав крик, он встал, в темноте подсел поближе к постели Мха и тихонько забормотал рифмованные строчки, прогоняя дурные сны. Стихотворение было очень старым. Теперь никто уже не понимал, что оно значит; но когда-то, в былые времена, его сочинил Робин Весельчак, старейшина тайного народа.

*Ясень, дуб и тёрн
Стоят с начала времён.
Под тисом и рябиной
Спит новый век невинный.*

Ближе к рассвету дождь понемногу затих, а гром выбился из сил и устал ворчать. На заре, когда над Ясеновой улицей защебетала первая птица, небо было ясным и чистым, как будто его хорошенько вымыли к началу нового дня.

Именно тогда старый трухлявый ясень содрогнулся, издал странный, скрипучий стон — и развалился надвое. Половины с оглушительным треском рухнули в разные стороны, опрокинув забор и усеяв лужайку, клумбы, батут и крышу сарая

переломанными ветками и мириадами щепок. Сад теперь было не узнать. В человеческом доме начался переполох: взрослые и дети, разбуженные внезапным грохотом, подскакивали в постели, испуганно таращили глаза и хватались за сердце. Над садом с тревожными криками метались птицы.

В один-единственный ужасный миг опрятный садик исчез под горой обломков, а от уютного дома у корней ясеня ничего не осталось. Шкафчики, так искусно сделанные из коры, были расплюснуты. Шкатулка с драгоценной коллекцией песчинок погибла. Почти все ракушки с наливкой были разбиты вдребезги. А трое жильцов домика куда-то пропали.